

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЛАБОРАТОРИЯ • МЕДИЕВИСТИЧЕСКИХ • ИССЛЕДОВАНИЙ

POLYSTORIA

*Анатомия власти:
государь и подданные в Европе
в Средние века и Новое время*

Составители и ответственные редакторы
Олег Воскобойников, Ольга Тогоева

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2021

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
А64

Серия основана в 2020 г.

Специальный выпуск: Festschrift в честь профессора Бойцова

Редакционный совет серии:

Михаил Бойцов (председатель), *Андрей Виноградов*, *Олег Воскобойников*,
Дмитрий Бовыкин, *Фёдор Успенский*, *Рустам Шукуров*

Дизайн серии: ABCdesign

Составители и ответственные редакторы:

Олег Воскобойников, *Ольга Тогоева*

Авторы:

Анастасия Ануфриева, *Михаил Бибилов*, *Дмитрий Бовыкин*, *Ирина Варьяш*,
Андрей Виноградов, *Олег Воскобойников*, *Анна Герштейн*, *Михаил Дмитриев*, *Сергей Иванов*,
Сергей Карпов, *Ольга Кошелева*, *Юлия Крылова*, *Анна Литвина*, *Александр Марей*,
Станислав Мереминский, *Алексей Муравьев*, *Александр Назаренко*, *Ольга Окунева*,
Людмила Пименова, *Анна Серегина*, *Александр Сидоров*, *Ольга Тогоева*, *Павел Уваров*,
Фёдор Успенский, *Сусанна Цатурова*, *Александр Черных*, *Александр Чудинов*, *Светлана Яцык*

Составление указателей: *Александр Левченко*

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН *Светлана Лучицкая*;
доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *Рустам Шукуров*

Издание подготовлено по результатам совместного исследовательского проекта
Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ

и Института всеобщей истории РАН «Анатомия власти — 2020».

Руководители проекта: *Олег Воскобойников* (НИУ ВШЭ) и *Ольга Тогоева* (ИВИ РАН)

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры к Библии Мациевского.

Morgan Library & Museum, New York, USA (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Old_Testament_miniatures_with_Latin_Persian_and_Judeo-Persian_inscriptions_-_Google_Art_Project.jpg)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики

<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9

ISBN 978-5-7598-2362-9 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-2248-6 (e-book)

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021

© Составление. Воскобойников О.С., Тогоева О.И., 2021

Содержание

- 10 *Ольга Тогоева, Олег Воскобойников.* Нескромное обаяние власти
ИМЯ, ТИТУЛ, ИНСИГНИЯ
- 14 *Алексей Муравьев.* Эсхатологический царь-странник.
Мифологема царской харизмы времен Юстиниана в восточно-
христианских текстах
- 27 *Анастасия Ануфриева.* Вормс — Ахен, 961 год: коронация и ее
образ
- 55 *Сергей Иванов.* Кто такой миродержец?
- 66 *Александр Назаренко.* «Владимирь на столѣ»: тронные
изображения на монетах крестителя Руси
- 89 *Михаил Бибилов.* «Рекс Московии и всея Руси»: взгляд
из Константинополя
- 95 *Ольга Окунева.* Меч дикаря, палица Геракла и скипетр монарха:
власть символа и символ власти с другого берега Атлантики
- 120 *Анна Литвина, Фёдор Успенский.* Два имени государя
(Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович
Шуйский)

ГОСУДАРИ И ПОДДАННЫЕ

- 136 *Станислав Мереминский.* Жизнь и смерть одного бородача:
Вильгельм Фитц-Осберт и «восстание» 1196 г. в Лондоне
- 158 *Анна Герштейн.* Появление лжеправителя в городе: две
интерпретации одного сюжета
- 175 *Юлия Крылова.* Порядки и беспорядки при дворе бургундских
герцогов и не только
- 190 *Анна Серегина.* Война и престолонаследие: Елизавета I
путешествует по югу Англии (1591)
- 210 *Михаил Дмитриев.* Царский соблазн... Почему православные
жители Речи Посполитой захотели стать подданными
московских государей?

- 236 *Ольга Кошелева*. Власть атакует канцелярии: трансляция указов в администрацию в России второй половины XVIII в.
- 256 *Александр Чудинов*. Французская революция в восприятии русских современников

СПОРЫ О ВЛАСТИ

- 268 *Александр Сидоров*. Обесчестить короля: *honor* и его место в каролингской политической культуре
- 281 *Андрей Виноградов*. Апостольский авторитет, власть над телом и Рим как арбитр: спор о бане на востоке и западе Европы
- 297 *Сергей Карпов*. Власть над судом или суд над властью: синдикации венецианских и генуэзских консулов в факториях Причерноморья в XIV–XV вв.
- 311 *Сусанна Цатурова*. Королевская схизма, Этьен Паскье и корпоративная историческая память
- 325 *Ольга Тогоева*. В тени короля
- 342 *Людмила Пименова*. Анатомия французской монархии Старого порядка в «Трактате о правах» под редакцией Ж.-Н. Гюйо
- 356 *Дмитрий Бовыкин*. «Здесь виновно всё»: всеобщая амнистия как завершение Революции
- 376 *Ирина Варьяш*. Рай отменяется?

ВЛАСТЬ ТЕКСТОВ — ТЕКСТЫ О ВЛАСТИ

- 388 *Александр Марей*. Такое разное обаяние власти: российский контекст, христианская традиция и кастильский пример
- 398 Вторая Партида. Титул *г*. В котором говорится об императорах и о королях и о прочих знатных сеньорах. Перевод со старокастильского и примечания *Александра Марей*
- 414 *Олег Воскобойников*. Марсилий Падуанский и его трактат «Перенос империи»
- 423 *Марсилий Падуанский*. Перенос империи. Перевод и примечания *Олега Воскобойникова*

- 443 *Бонифаций VIII. Слава, хвала и почет. Булла о канонизации Людовика IX Святого. Вступление, перевод и примечания Светланы Яцык*
- 459 *Павел Уваров. Чума в Провене 1582–1583 гг. К вопросу о патологоанатомии власти*
- 483 *Александр Черных. Шарль Дю Канж и его рассуждение «О передаче фамильных гербов»*
- 511 *Tabula gratulatoria*
- 513 *Список иллюстраций*
- 514 *Указатель географических, топонимических, этнических, конфессиональных и некоторых других понятий. Составитель Александр Левченко*
- 529 *Указатель имен. Составитель Александр Левченко*
- 546 *Авторы*
- 549 *Abstracts*
- 561 *Contents*

Михаилу Анатольевичу Бойцову
от друзей и коллег

Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский)¹

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_120-134

Причудливая и разнообразная картина многоименности, когда одно и то же лицо оказывается обладателем целого списка антропонимов, — весьма существенная черта всего русского Средневековья. Особенное впечатление производит, пожалуй, сложность функциональной нагруженности отдельных элементов этой полиномии в сочетании с их несомненной факультативностью. В самом деле, как в XII, так и в XVII в. человек может прожить всю жизнь под одним личным именем, а может накопить их три, четыре, а то и пять, причем некоторые из них будут даны ему сразу, едва ли не при рождении, тогда как другие он получит лишь на склоне лет. При этом ни одно из новоприобретенных именовании, как правило, не отменяет прежних — зачастую все они остаются неотъемлемыми атрибутами их обладателя до самой смерти, а порой не утрачивают значимости и в его посмертной судьбе. Монах, получивший новое имя при постриге (*Лаврентий*), в монастырском обиходе может пользоваться другим, вовсе не имеющим отношения к церковной традиции именем (*Девятой*), документы подписывать третьим — публичным христианским именем, под которым он был известен до пострижения (*Фёдор*), а именины продолжать праздновать по четвертому имени, крестильному (*Леонтий*). Существенно, однако, что все эти именовании почти никогда, по-видимому, не фигурировали одновременно в рамках одной коммуникативной ситуации и лишь изредка стягивались все вместе в пределах одного письменного текста.

Последнее обстоятельство, разумеется, создает для исследователя множество таких проблем, о которых он изначально может даже не подозревать. В самом деле, полиномия очень часто затрудняет как простейшую идентификацию исторического лица, так и собственно просопографические разыскания. Один ли человек перед нами,

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

обладавший в миру двумя христианскими именами и появляющийся в документах то под одним, то под другим, или это два самостоятельных персонажа — родные братья или, к примеру, две жены одного мужа? Получила ли женщина новое имя при вступлении в брак, или она с рождения носила его в качестве второго? Сделался ли некто иноком, или он всю жизнь оставался мирянином с двумя христианскими именами? В историографии накопилось множество неверных ответов на вопросы подобного рода, не только потому, что они бывают сложны сами по себе, но и оттого, что многосоставность русской полиномии научной традицией попросту долго не принималась в расчет, оставалась за пределами исследовательского внимания. Помимо всего прочего, дело осложняется еще и тем, что просуществовавшая очень долго система многоименности естественным образом претерпевала определенную эволюцию, причем процесс этот затрагивал как набор ее элементов, так и соотношение их функций.

В самом деле, если к началу XII в. у знатного человека на Руси могло быть, например, одно местное нехристианское имя (*Мстислав*), одно инокультурное нехристианское имя (*Харальд*) и имя крестильное, почерпнутое из церковного месяцеслова (*Фёдор*), то в антропонимическое досье его потомка в XV в. могло входить нехристианское имя (*Шаран*), имя крестильное, связанное с датой его появления на свет (*Евфимий*), и публичное христианское имя, отвечающее семейно-родовой традиции (*Петр*). В XVI же и XVII столетиях такое публичное христианское имя могло оказаться именем, полученным при крещении (*Фёдор*), тогда как имя, маркирующее день рождения (*Ермий*), оставалось на всю жизнь лишь своеобразным «благочестивым придатком»². Столь заметное перераспределение ничуть не препятствовало тому, что у множества других людей наряду с христианскими именами по-прежнему сохранялись имена нехристианские. К концу же XVII в. многоголосый хор полиномии расширяется еще более за счет регулярной практики приобретения нового монашеского имени при принятии великой схимы³, и время от времени мы обнаруживаем людей с четырьмя

² См. об этом: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. С. 108–127.

³ Ср.: Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. С. 40–81, 123–131.

сугубо христианскими именованиями (ср. *Мария* / *Евфросиния* в миру, в мантии — *Евдокия*, в великой схиме — *Евнукия*).

Разобраться в подобных антропонимических процессах и ситуациях непросто, даже если в них вовлечены персонажи, отнюдь не обойденные вниманием средневековых авторов и современных исследователей, — известная путаница порой возникает и в том, что касается разных имен русских царей. Особенно не повезло в этом отношении московским государям, так сказать, «предромановской эпохи», Борису Годунову и Василию Шуйскому. Антропонимическое досье каждого из них, будучи достаточно запутанным само по себе, успело еще и обрасти некоторым количеством историографических ошибок и курьезов. Ощутимо многочисленны они в биографии Годунова⁴, однако центральным персонажем настоящей работы станет не он, а последний Рюрикович на московском троне — Василий Иванович Шуйский.

Имя *Василий*, под которым Шуйский вел свою публичную жизнь и был провозглашен царем, запечатлено во множестве источников. Как мы увидим ниже, не составляет большого труда определить, кто именно из свв. Василиев был небесным покровителем царя, — судя по всему, это Василий Великий. Правда, свидетельств о его патронате в источниках не так уж много, во всяком случае, меньше, чем можно было бы ожидать, коль скоро речь идет о небесном тезке государя. Некоторая скудость подобного рода легко объяснима: манифестация культа патронального династического святого способна развернуться в полную силу лишь при длительном или хоть сколько-нибудь благополучном правлении. Чтобы стать достаточно заметным, такой культ в дальнейшем должен быть подхвачен ближайшими потомками на престоле, закрепляющими его в многочисленных поминальных вкладышах, церковном строительстве и разнообразных коммеморативных артефактах. Шуйскому же, как известно, не повезло ни с тем, ни с другим, ни с третьим: своим избранием на царство он был обязан смуте, стать основателем новой ветви династии ему не удалось, а обстоятельства кончины в польском заточении также, разумеется, не способствовали устойчивости поминальной практики на родине. В водовороте Смутного времени растворились многие приметы прижизненного почитания

⁴ См. подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // *Slovène*. 2020. Т. 9. № 1. С. 185–231.

его личных патрональных святых, и лишь реддеющий круг ближайших членов семьи был хоть в какой-то мере заинтересован в этом почитании после смерти Василия Ивановича.

Какие же свидетельства, связанные с личным небесным покровителем царя, до нас все-таки дошли? Известно, в частности, что на сделанном по распоряжению Шуйского в 1608 г. окладе к иконе св. Николая в Зарайской соборной церкви были помещены изображения Василия Великого⁵. Что еще более показательно, согласно записи на л. 113 в Синодике Архангельского собора (нач. XVII в.), давая вклад по своему умершем муже, «благовѣрная царица инока Елена Петровна» Буйносова-Ростовская установила по нему три поминальные даты, одна из которых приурочена к 1 января, дню празднования св. Василию Великому:

Лѣта 7130⁶ <1622> благовѣрная царица инока Елена Петровна дала въ домъ великаго собора Архистратига Михаила у царскихъ прародителей протопопу Ивану з братією пятьдесятъ рублевъ, по царѣ и великомѣ князѣ Василіе Ивановичѣ всея Русі въ вѣчный поминокъ, а имя ево у Архангела в литіи и въ сенаники написано и протопопу Ивану з братією, или хто у Архангела впередъ иные протопопы и братія будутъ. Царя Іванского <sic!> князя Василія Ивановича всея Русіи поминати по вся дни на литияхъ и на панахидахъ і за просфиромисаніемъ і на Божественнѣй литоргіи и пѣти панахиды по вся годы декабря въ 8 день, сентября въ 16 день, я н в а р я в ъ 1 - й д е н ь доколѣ вселенные миръ стоитъ⁷.

Русская коммеморативная традиция предполагает, что усопшего надлежит помянуть в годовщину его смерти (в нашем случае это не что

⁵ См.: *Изергин В.М.* Отчет об открытии и деятельности Рязанской ученой архивной Комиссии в 1884 году // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. Вып. II. СПб., 1885. С. 80; *Шереметев С.Д.* Зарайск. СПб., 1891. С. 13–15; *Шакурова Е.В.* Русские золотые изделия XIV–XVII вв. // Русское золото XIV — начала XX века из фондов государственных музеев Московского Кремля / авторы-сост. С.Я. Ковраская, И.Д. Костина, Е.В. Шакурова. М., 1987. С. 21–23, 47–48, илл. 20, 21. На этом же окладе мы обнаруживаем изображения архангела Михаила и трех Дмитриев — Дмитрия Солунского, Дмитрия Прилуцкого и царевича Дмитрия. Об иконографической программе данного артефакта см. также: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 11.

⁶ В публикации источника дата указана с ошибкой — 7030 = 1522 г.

⁷ Московский кафедральный Архангельский собор / сост. того же собора сакелларий протоиерей Алексей Лебедев. М., 1880. С. 380. Здесь и далее выделение в цитатах из источников принадлежит авторам.

иное, как 16 сентября) и, если есть такая возможность, на дни празднований его святым тезкам. Распоряжение царицы-инокини относительно даты 1 января недвусмысленно свидетельствует о том, что из всех многочисленных свв. Василиев месяцеслова патроном ее мужа был именно Василий Великий. С чем же, однако, соотносится третья упомянутая ею дата — 8 декабря?

К ответу на этот вопрос позволяет приблизиться фрагмент из Кормовой книги Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Однако прежде чем обратиться к нему непосредственно, следует вспомнить о том, что данные синодиков, вкладных и кормовых книг, будучи бесценным материалом для генеалогии, ономастики, истории культа святых и личного благочестия, зачастую сами по себе являют своего рода ребус, нуждающийся в разгадывании. Во многих случаях на их страницах представлены лишь причудливые комбинации личных имен членов неких родов и семей, напроць лишенные сколько-нибудь точных указаний, когда умерли (и тем более — когда родились) их обладатели и кем они друг другу приходятся. Порой не отмечено даже, о членах какой, собственно, семьи идет речь, и отнюдь не всегда указывается статус того имени, под которым усопший внесен в перечень. Для составителя текста такая информация о поминаемых зачастую оказывается либо очевидной, либо избыточной, но исследователя нашего времени ее отсутствие порой способно поставить в тупик.

Итак, в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. под датой 8 декабря (напомним, что именно она оставалась необъясненной в поминальной записи царицы-инокини из Синодика Архангельского собора) обнаруживается следующее указание:

Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)тца нашегѡ Потапія. Корм по ц(а)рѣ и великом кн(я)зе Василіи Ивановиче всеа Россіи Поминати м (о) л (и) т в е н н о е и м я П о т а п і и, ц (а) р (и) ц ю и великую кн(я)гиню иноки Елены, кн(я)за Димитріа, кн(я)гиню Екатерины. Дачи 200 рублевъ⁸.

Публикаторы Кормовой книги, судя по указателю, связали эту запись с поминовением великого князя Василия III и его второй жены Елены

⁸ Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация) / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2008. С. 145, л. 109 об.

Глинской⁹, однако такая атрибуция не выдерживает никакой критики. «Молитвенным» именем Василия III было отнюдь не *Потаний*, а *Гавриил*, его жена (мать Ивана Грозного) пострига не принимала и инокиней не была, ни в каких иных источниках поминовение этой четы к дате 8 декабря не приурочено, да кроме того, их загадочные спутники, князь Дмитрий и княгиня Екатерина, при подобной трактовке никакому разумному отождествлению не поддаются. При таком количестве противоречий излишне специально останавливаться на том обстоятельстве, что Василий III не был царем, а Елена Глинская — царицей.

Очевидно, что в этом тексте речь идет о другом государе — интересующем нас царе Василии Ивановиче Шуйском и его второй жене Буйносовой-Ростовской (той самой, что давала вклад по своему муже в Архангельский собор), которая в крещении была *Екатериной*, при восшествии на престол сделалась *Марией*, а в иночестве приняла имя *Елена*¹⁰. Князь Дмитрий и княгиня Екатерина — это не кто иные, как родной брат Василия Ивановича, Дмитрий Иванович Шуйский, и супруга этого брата, Екатерина Григорьевна, дочь знаменитого Малюты / Григория Скуратова.

Так или иначе, связь этой записи с царской четой Шуйских сомнений не вызывает, и она предоставляет в наше распоряжение ценнейшие сведения о том, что у царя было еще одно христианское имя — *Потаний*. Память единственного святого, носившего это имя, празднуется именно 8 декабря. Таким образом, появление этой даты в обоих интересующих нас памятниках не только объяснимо, но и закономерно: царя, в полном соответствии с традицией, предписывается помянуть на праздник еще одного его святого тезки. Коль скоро он был и *Василием*, и *Потанием*, то оба эти дня (8 декабря и 1 января) годились для заупокойных кормов и богослужений.

Нельзя сказать, что наличие этого второго имени в биографии Шуйского полностью ускользнуло от внимания историков, однако оно всегда оставалось на дальней периферии исследовательского внимания.

⁹ Там же. С. 406, 421.

¹⁰ См. подробнее: Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 109–110; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. М., 2018. Вып. XIII. С. 261–263.

Характерным образом, в современных генеалогических перечнях *Потапий* изредка появляется, но никак не комментируется, да и столетие назад его обсуждение не выходило за рамки частной корреспонденции, где статус его определялся неверно. Так, в переписке графа С.Д. Шереметева и С.Ф. Платонова последний, отвечая на вопрос своего корреспондента, пишет следующее:

Итак, царь Василий «во иноцех Потапий»! Это очень интересно. В Москве официально не признавалось пострижение Василия Шуйского в 1610 году и его монашеское имя никогда не приводилось. Отчего оно попало в (последнейший?) синодик? (Письмо от 22 января 1901 г.)¹¹

В этом утверждении С.Ф. Платонова ошибочной информации содержится куда больше, нежели достоверной. История насильственного пострига царя Василия Шуйского и его супруги, как известно, была весьма драматична — его противники стремились таким образом закрепить факт низложения царя. Он же во время этой процедуры отказывался принести монашеские обеты, и за него их произносило другое лицо. Согласно «Новому летописцу», это был один из заговорщиков, князь Василий Тюфякин, тезка царя по его династическому имени. Патриарх Гермоген не признавал легитимности такой подмены и продолжал называть Шуйского его мирским именем и царским титулом, а князя Тюфякина считал отныне монахом¹². Отметим, что в «Сказании» Авраамия Палицына в качестве лица, приносящего монашеские обеты вместо царя, назван другой человек — князь Туренин¹³. При этом Ту-

¹¹ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Том первый: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930 / отв. ред. С.О. Шмидт; сост. В.Г. Бухерт, при участии А.В. Мельникова. М., 2003. С. 71, № 117.

¹² «Приѣхаша ко царю Василью на старой дворъ, начаша его постригати. Онъ же противу воспросовъ на постриганіи отвѣту не даяше и глаголаше имъ: “нѣсть моево желанія и обѣщанія къ постриганью”. Выступи жъ изъ нихъ единой заводчикъ, князь Василей Тюфякинъ. Той же за него отрицашеся, и тако его постригоша и отвезоша ево въ Чюдовъ монастырь. Царицу жъ его такожь неволею постригоша въ Вознесенскомъ монастырь. Патриархъ же Ермогѣнъ вельми о томъ оскорбися. Царя жъ Василья нарицаше мирскимъ имянемъ, царемъ, а тово князь Василья проклинаше и называше его инокомъ» (Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб. (Пг./Л.); М., 1841–2004 (далее — ПСРЛ). Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 100).

¹³ Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочиненное Авраамием Палицким. Изд. 2-е. М., 1822. С. 235, гл. 66; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. I–XXXIX. СПб. (Пг./Л.), 1872–1927 (далее — РИБ). Т. XIII. Спб., 1891. С. 1186.

ренин также звался *Василием* и, более того, был полным тезкой царя по публичному именованию — оба они были *Василиями Ивановичами*. В памяти современников и потомков, однако, в этой роли безусловно доминировала скорее фигура князя Тюфякина.

Казус подобной субституции, разумеется, чрезвычайно интересен сам по себе. Весьма любопытно, например, что, с точки зрения всех участников, обряд пострижения, хотя бы и насильственный, не мог проистекать вне положенного диалога — молчание одной из сторон казалось недопустимым, кто-то непременно должен был произносить установленные реплики. Замечательно, что, кто бы ни назывался в качестве заместителя царя в этой процедуре, молва была склонна закреплять эту роль за тем, кто носил то самое имя, под которым царь был известен своим недавним подданным, — тождество имен, видимо, представлялось современникам чем-то неслучайным и весьма существенным в этом темном деле¹⁴.

Как бы то ни было, дальнейшая политическая реальность складывалась так, что современники вынуждены были принять факт пострига Василия Шуйского, а его монашеское имя *Варлаам*, вопреки

¹⁴ Существует, правда, известие, где в качестве отвечающего назван другой заговорщик — Иван Никитич Салтыков, чье имя вроде бы никак не коррелирует с царским. Впрочем, в числе присутствующих Василий Тюфякин назван и в этом источнике, а самое сообщение выглядит несколько странно — здесь единственное число вдруг сменяется на множественное, что заставляет заподозрить участие нескольких лиц в принесении иноческих обетов: «...учели ево постригать силно и держати безчинством за руки и какъ имь врагомъ надобно было и постригши государя силно, а отрекались въ ево мѣсто Иванъ Салтыковъ и постригши ево государя свезли ево въ монастырь» (Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список, л. 322–382; 613–638) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 347; ср. также: *Карамзин Н.М. История государства российского*. Изд. 5-е. Т. I–XII. СПб., 1842–1843. Т. XII. Гл. IV. С. 137 и примеч. 570 на с. 114). Очевидно, что участники событий едва ли стремились афишировать насильственный характер процедуры и меру своей в нее вовлеченности, поэтому конкретная картина происходившего обрастала разноречивыми слухами и версиями. Характерно, однако, что в летописании закрепилась та из них, где обеты произносит тезка царя. Очень выразительны в этом отношении показания Латухинской Степенной книги (1676 г.): «...и начаша царя государя Василия Иоанновича постригати. Ему же на се не хотящу, и не общавающуся, и отвѣты не творящу. Единъ бо отъ боляръ князь Василей Тюфякинъ или Туренинъ — той за царя обѣщанныя отвѣты говорилъ» (Латухинская Степенная книга: 1676 год / изд. подг. Н.Н. Покровский и А.В. Сиренов. М., 2012. С. 661, л. 1038 об.).

утверждению С.Ф. Платонова, отнюдь не было для них тайной и сохранилось в целом ряде источников¹⁵.

Таким образом, *Потаний* никак не могло быть иноческим именованием низложенного царя. Вдобавок ко всему прочему появляющееся в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря определение «молитвенное имя» при всей своей многозначности к иноческим именам никогда не прилагается — мы уверенно можем констатировать, что оно характеризует лишь те христианские имена, которые человек носит в миру. Иными словами, Василий / Потаний — это типичный случай светской христианской двуименности, столь широко распространенной на всем протяжении русского Средневековья вообще, а в XVI–XVII вв. в особенности. Достаточно отметить, что два христианских имени в миру носили уже упоминавшийся родной брат царя, Дмитрий Иванович, который был еще и *Фомой*, их отец Иван / Максим Андреевич и дед — Андрей / Матфей Михайлович¹⁶.

История же невнимания и заблуждений, которая сопровождала имя *Потаний* у Шуйского, по-своему тоже весьма типична, поскольку содержит почти все характерные для исследовательской традиции ошибки, связанные с христианской двуименностью. Надо сказать, что этот казус и сам по себе отнюдь не так прост: если светский характер имени *Потаний* не вызывает сомнений, то попытки еще более точной дефиниции его статуса наталкиваются на некоторые препятствия. В самом деле, каким из двух имен, *Потаний* или *Василий*, будущего царя крестили? Прямых указаний источников в нашем распоряжении нет. Обыкновенно, однако, если в XV–XVII столетиях носитель христианской двуименности принимал постриг, то определить это бывает достаточно легко. В эту эпоху безусловно преобладала тенденция подбирать

¹⁵ См., например: ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 256; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 229, л. 27; Кологривов С.Н. Синодик дворцовой церкви св. великомученицы Евдокии 7141 (1633) г. М., 1909. С. 3, л. 113 об.; Сазонов С.В. Синодике надвратных церквей Ростовского архиерейского дома // Сообщения Ростовского музея. Вып. III. Ростов, 1992. С. 140, 148, л. 8, 9.

¹⁶ В свете нашей проблематики небезынтересно также, что, судя по другим источникам, по два христианских имени в миру было и у жен братьев Шуйских. Супруга царя, как уже говорилось, была *Екатериной* / *Марией*, а у жены Дмитрия / *Фомы*, помимо имени *Екатерина*, возможно, имелось еще одно имя — *Христина*.

монашеское имя так, чтобы оно тем или иным образом соответствовало имени крестильному. Чаще всего это соответствие сводилось к тому, что имя монашеское должно было начинаться с той же буквы, что и имя, данное в крещении. Иначе говоря, если мы знаем, что человек в миру носил имена *Фёдор* и *Авксентий*, а в монашестве сделался *Арсением*, то мы можем утверждать, что *Авксентий* — его крестильное имя¹⁷.

Исходя из этой, в целом вполне надежной, модели следует полагать, что в крещении царь был *Василием*, поскольку в иночестве, как мы знаем, он стал *Варлаамом*. Более того, такой антропонимический ход, когда обладатель крестильного имени *Василий* нарекается при пострижении именно *Варлаамом*, был весьма популярен — данные имена в этом отношении составляют своего рода устойчивую пару. Тогда оказывается, что имя *Василий* у Шуйского совмещало в себе функции публичного, династического и крестильного, а молитвенное *Потаний* являлось тем самым «благочестивым придатком», о котором мы говорили в начале работы.

Надо сказать, что до XVI в. такая ситуация, когда некрестильное имя того или иного лица оставалось его непубличным именем, была, по-видимому, довольно атипичной, и даже в XVI столетии сколько-нибудь надежно она зафиксирована лишь для представителей московского правящего дома — и только для них. Так, *Василий* / *Гавриил* в крещении был именно *Василием*, его старшего сына крестили как *Ивана*, а отмечающее день появления ребенка на свет имя *Тит* занимало в жизни царя *Ивана Грозного* достаточно скромное место. Аналогичным образом дело обстоит и у его детей. Они были крещены под своими династическими именами (*Иван*, *Фёдор*, *Дмитрий*), при этом как минимум у двоих из них, *Фёдора* и *Дмитрия*, в практике личного благочестия присутствуют и христианские имена, связанные с днем рождения: *Фёдор* был еще и *Ермием*, а *Дмитрий* — *Уаром*¹⁸.

В других же семьях подобное перенесение большей части функциональной нагрузки на родовые имена толком не просматривается.

¹⁷ См. подробнее: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси. С. 241–280.

¹⁸ См. подробнее: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции. С. 116–121; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* К уточнению имен и дат в семье царя *Фёдора Ивановича* // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2019. № 1 (75). С. 61–66.

Судя по дошедшим до нас известиям, подданные московских государей, давая ребенку два христианских имени, по старинке все еще крестили детей тем из них, что выпало по дню появления на свет. Василий Шуйский хотя и был Рюриковичем, но к царскому дому по рождению не принадлежал. Могли ли наречь его по той же модели, что использовалась при наречении московских династов? Быть может, перед нами ранний образчик того, как элита в очередной раз начинает в своем имянаречении копировать практику государей?

Практика эта, очевидным образом, свидетельствовала о постепенном угасании христианской двуименности как таковой, а потому ранние ее проявления за пределами правящей семьи представляют особую ценность и интерес. Для самих Шуйских такое расширение функций родового имени оказалось бы смелым новшеством. Во всяком случае царского деда, Андрея / Матфея, судя по всему, крестили отнюдь не родовым *Андрей*, но непривычным для семейного ономастикона и, вероятно, выпавшим по календарю *Матфей*¹⁹; отец будущего царя хоть и звался в миру родовым именем *Иван*, но крещен был, по-видимому, как *Максим*²⁰; скорее всего, по тому же сценарию был назван и брат Василия Ивановича — в крещении он был *Фомой* и лишь в публичной жизни *Дмитрием*²¹. Таким образом, будущий царь

¹⁹ Это явствует, например, из следующей записи в синодике Суздальского собора: «Того же <1583> года и мѣсяца въ 9 день прислалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ все Русіи, по князь Андрѣе Михайловиче Шуйскомъ, а имя ему Матѳеѣй, въ Суздаль въ домъ Пречистыя Бѣи владыкъ и протопопу зъ братьею 60 рублевъ» (*Кавелин Л.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа Уварова. Ч. I–IV. М., 1893–1894. Ч. II. С. 221–222, л. 8). В подавляющем большинстве случаев термином «имя» (без каких бы то ни было поясняющих характеристик) называется имя, полученное при крещении.

²⁰ См. все в том же синодике Суздальского собора: «Память князю Ивану Андрѣевичу, а имя ему Максимъ убиенный, Генваря въ 21 день...» (Там же. С. 222, л. 15 об.). Мы видим, что Ивана Андреевича Шуйского предписывается помянуть на 21 января — именно на этот день, согласно месяцесловам, выпадает память Максима Исповедника. Если в качестве поминальной даты избирается день памяти лишь одного из небесных тезок (в нашем случае — св. Максим), то скорее всего это будет святой тезка по крестильному имени.

²¹ Антропонимическое досье царского брата зафиксировано несколько лучше и разнообразнее, чем соответствующие данные, относящиеся к его отцу и деду. Так, на обороте иконы св. Макария Желтоводского, которая была дана вкладом в суздальский Покровский собор Иваном Ивановичем Шуйским (еще одним — самым младшим — братом царя), присутствует недатированная надпись: «Образ Макарей желтоводсково чудотворца поставил боярин князь Иван Иванович Шуйский в соборную

был бы едва ли не первым в своей семье носителем христианской двуименности нового типа.

Однако казус Шуйского допускает и иную трактовку событий.

Напомним, что пострижение царя было актом недобровольным и, если так можно выразиться, внезапным. Мера знакомства его восторжествовавших противников с антропонимическим досье низвергаемого и степень желания строго придерживаться всех тонкостей обычая в такой ситуации вызывают серьезные сомнения. «Новый летописец» специально подчеркивает, что в низложении царя участвовали его родичи, прямо указывая на царского свояка Ивана Михайловича Воротынского как на главу тех, кто непосредственно сводил царя и царицу с престола и перевозил их на старый двор²². Этот Воротынский, будучи женат на родной сестре царицы, должен был знать все христианские имена своих свойственников, однако нам ничего не известно о том, принимал ли он личное участие в процедуре

церковь Покрова по брате своем по князе Фоме Ивановиче Шуйском да по снохе своей по княгине Катерине Григорьевне» (*Георгиевский В.* Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927. С. 9, табл. VII, 41, примеч. 1). Если во вкладной записи присутствует лишь одно из имен носителя христианской двуименности, то чаще всего это имя — крестильное; соответственно, мы можем заключить, что Дмитрий Иванович был крещен *Фомою*, а не *Дмитрием*. Это предположение подкрепляется еще одной записью Ивана Ивановича, отмечающей его вклад сразу по нескольким родственникам. Вкладная запись на кресте, пожертвованном в Благовещенскую церковь Макарьева Унженского Троицкого монастыря, гласит: «Лѣта 7134 <1626> сдѣланъ крестъ въ пречестную и великую обитель пречистыя Богородицы Благовѣщенія и Преподобнаго Макарія Желтоводскаго унежскаго чудотворца по душе царя і великаго князя Василя Ивановича всея русии и по его царице Екатерине во иноцѣхъ схимнице Елене и по его брате Дмитрее Ивановиче, а молитвенное имя Фома и по княгине Екатерине и ихъ за то поминати, а положилъ сей крестъ князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій да за князя Ивана Ивановича имъ Бога молити доколе он живъ и за его княгиню Марѳу, а какъ Богъ по душу ихъ сошлетъ, ихъ всѣхъ за то поминать. Данъ въ домъ Живоначальныя Троицы» (*Летопись Макарьева Унженского монастыря Костромской епархии / сост. И. Херсонский. Вып. I (1439–1682) — II (1682–1891). Кострома, 1888–1892. Вып. I. С. 46*). Здесь *Фома* названо «молитвенным именем» Дмитрия Ивановича, как уже не раз отмечалось выше, этот эпитет обыкновенно применяется к именам крестильным. Царственная невестка двух братьев, жена Василия Шуйского, именуется исключительно крестильным и монашеским именами, ее публичное имя *Мария* не пригодилось вовсе. Любопытно, что, заботливо приводя крестильные имена родичей, своего брата царя Иван Шуйский называет его публичным именем, под которым тот правил. Не служит ли это аргументом в пользу того, что это имя было одновременно и крестильным?

²² ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 100.

принудительного пострижения, отделенной от низложения Шуйского некоторым временным промежутком, и счел ли нужным проявлять заботу о корректности имянаречения при постриге. Вполне возможно, что в столь экстремальной ситуации заговорщики действовали, попросту опираясь на то из имен царя, под которым он правил, которое было известно всему народу, и не вдавались в предписанные традицией ономастические тонкости.

Ситуация спешки, принуждения и беззакония сама по себе могла спровоцировать небрежение устоявшейся практикой, когда монашеское имя выбирается с оглядкой на имя крестильное. Иными словами, вполне можно представить, что имя *Потаний* царь получил в крещении, однако это обстоятельство — сыгравшее бы определяющую роль для выбора нового имени при добровольном постриге — было полностью проигнорировано при постриге принудительном. Подобное допущение подкрепляется и теми характеристиками, которыми источники изредка наделяют различные имена Шуйского. Как мы помним, в Кормовой книге 1674 г. имя *Потаний* называется «молитвенным» — этот эпитет в подавляющем большинстве случаев применяется в текстах того времени именно к именам крестильным. В свою очередь, к имени *Василий* во «Временнике» Ивана Тимофеева прилагается указание «пореклу»:

Во время же послѣднее днешнихъ времянь Шуйского, по рекла Василія, самоизбранна глаголема всеа Русіи царя...²³

Если конструкция «молитвенное имя» достаточно устойчиво ассоциируется с именем крестильным, то пометами «пореклу», «прозвание», «рекомый», «прозвище» и т.п., как правило, снабжаются имена публичные, но некрестильные²⁴. Вместе же два этих маркера,

²³ РИБ. Т. XIII. Спб., 1891. С. 389. Следует отметить, что одной из отличительных черт сочинения Ивана Тимофеева является повышенный интерес к именам описываемых им лиц и, не в последнюю очередь, к христианской двуименности как таковой (см. об этом подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistična revija. 2018. Letnik 66, št. 3. С. 333–354).

²⁴ См. подробнее: Соловьева Т.Б. Русская антропонимическая лексика конца 15–16 вв. // Slavica Gandensia. 2002. Vol. XXIX. P. 171–176, здесь P. 171, 172–173, 176; Соловьева Т.Б. К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: сб. ст. по истории

«молитвенное» и «пореклу», будучи почерпнуты из не связанных между собою источников, соответствуют картине, согласно которой имя *Потаний* было у царя крестильным, а имя *Василий* — всего лишь публичным, некрестильным. В таком случае отсутствие ориентации на крестильное имя при постриге Шуйского следует понимать как еще одно отступление от устоявшейся на Руси практики принятия монашеских обетов в ряду других, более очевидных и вопиющих.

Подобному взгляду на дело, казалось бы, препятствует тот факт, что для жены царя, которая, судя по дошедшим до нас данным, тоже была двуименной и также отказывалась постригаться²⁵, иноческое имя подобрали в полном соответствии с обычаем — она царствовала как *Мария*, но в крещении была *Екатериной* и, соответственно, в монашестве стала *Еленой* (а не, скажем, *Марфой*), так что именно крестильное и монашеское имена оказались созвучны. Очевидно, однако, что степень значимости пострижения царя и пострижения царицы неодинакова (особенно если учесть специфически непубличный характер существования русских цариц, резко контрастировавший с публичностью жизни государя) — соответственно, полной симметрии здесь ждать не приходится.

Таким образом, при анализе этой семиотически сложной ситуации мы вправе говорить лишь о двух возможностях функционирования имен Шуйского: подражательной инновации при наречении знатного младенца или об отступлении от общепринятой нормы при насильственном постриге. В одном случае ему правильно подобрали монашеское имя *Варлаам* к крестильному *Василий*, но зато при крещении действовали, предвосхищая свое время, и отвели имени *Потаний* очень скромную роль элемента личного благочестия. В другом же случае, выбирая имя для ребенка, поступили в соответствии со стандартной схемой, окрестив его *Потапием* (по дате рождения) и снабдив его публичным именем *Василий*. Отступление же от нормы совершилось при постриге, и, вопреки обычаю, Шуйский стал *Варлаамом*, а не, скажем, *Пафнутием* или *Порфирием*.

и источниковедению / сост. Ю.М. Эскин. М., 2006. С. 686–696, здесь С. 688; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси. С. 245–249.

²⁵ ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 100.

Вторая версия развития событий представляется нам более реалистичной, однако то обилие провалов в прижизненной и посмертной истории Шуйского, которым мы обязаны Смутному времени, не позволяет нам безапелляционно принять ее в качестве единственной. Закат династии сопровождался закатом многовековой практики светской христианской двуименности, но процессы эти проистекали не вполне синхронно и зависели друг от друга лишь до некоторой степени.